

Начальник уголовного розыска. Непридуманное

18+

Константин Бахарев

Константин Бахарев

**Начальник уголовного
розыска. Непридуманное**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бахарев К. П.

Начальник уголовного розыска. Непридуманное / К. П. Бахарев —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Сборник рассказов о работе уголовного розыска. Трагедии, подлости,
глупости, печальный юмор и неотвратимость сурового наказания

Криминальный облом

Женщин грабили каждую субботу, три недели подряд. Причем, примерно, на одном и том же месте. После посиделок в кафе и ресторанах, которые в райцентре находились на одной улочке, подвыпившие дамы, из тех, кому не повезло поймать себе кавалера на ночь, возвращались домой через темные двory пятиэтажек, густо заросшие кустами и деревьями. Притаившийся злодей выбирал наиболее подходящую, то есть еле державшуюся на ногах даму, подбегал к ней, махал пистолетом перед раскрашенным личиком, орал страшные вещи, отбирал золотые сережки, цепочки, прочие бранзулетки, выхватывал сумочку и убегал.

Жертвы обычно приходили в себя уже дома. Утром, поплакав от одиночества и боли материальных утрат, они шли в милицию.

За три недели заявлений от одиноких дам накопилось около десятка. Но искать было некого. Примет было немного-высокий, худой, с очень большим размером ступней. Размер ноги установили эксперты, нашедшие отпечатки после одного из нападений, недалеко от места грабежа. Но кому они принадлежали, прохожему или наглому преступнику, было неизвестно. Поскольку больше данных не было, решили считать, что эти следы оставил полночный негодяй.

Начальник уголовного розыска, услышав от главного милиционера района-полковника Дудукина мнение о качестве работы оперов по раскрытию грабежей, грозивших испортить показатели работы, собрал у себя совещание.

Хмуро осмотрев оперативников, нач.УР, он же майор Кусаков, повторил слова Дудукина о том, что в жизни дураков и неумех хватает, но никогда не думал, что все они работают в уголовном розыске. При этом авторство этого высказывания Кусаков цинично присвоил себе.

Парни опустили головы, и ждали, когда кончится вступление и шеф перейдет к реальным делам.

План Кусакова был прост и перспективен. По криминальному маршруту решили пустить женщину-милиционера, а по пути ее прохода устроить многочисленные засады.

Мероприятия по отлову начинались с пятничного вечера, и заканчивались в ночь на понедельник. Для себя Кусаков выбрал наиболее сложное и тяжелое занятие. Он оставался в своем кабинете, вместе с рацией, и прослушивал эфир.

Около полуночи, в пятницу, оперативники потянулись по заранее определенным местам засад. Всего по кустам спряталось человек десять.

Подставную "потерпевшую" нашли в отделе дознания. Требования были просты. Не очень высокая, не очень плотная, и в то же время не очень уж субтильная, чтобы смогла продержаться пару секунд, пока не подбежит подмога при нападении грабителя.

Выбор пал на Свету. В случае успеха операции ей пообещали премию и два отгула, при провале-просто отгул. То есть, грамотно заинтересовали. Оперативникам за поимку злодея не гарантировали никаких социальных льгот.

Света, снабженная газовым пистолетом и перцовым баллончиком, шла по маршруту.

Опера, вместо того, чтобы смотреть за кустами, глядели на нее из-за густых веток сирени, акации и прочих тополей. Света была такая, привлекательная. Но, к сожалению, на жертву она никак не походила.

Походка твердая, уверенная. Взгляд внимательный. Одна рука около сумочки, там, где оружие.

Света прошла свой маршрут без проблем. Сейчас ей предстояло посидеть часик в райотделе, и, передев блузку, повторить боевой проход.

Оперативники в кустах заскучали. Они почему-то считали, что злодей нападёт именно на их сослуживицу и расслабились.

В это время мимо притаившихся в темноте вооруженных мужчин пошла дама средних лет, еле-еле ковылявшая на высоких каблуках. Она шла, понутив голову, и вяло размахивала сумочкой. Ей сегодня явно не повезло. Удовлетворение основного инстинкта переносилось на следующие выходные.

Вдруг из зарослей акации, буквально метрах в трех от одной из засад, выскочил паренек, и изрыгая матершинные угрозы, помчался к одинокой женщине. Та остановилась, и покачиваясь, смотрела на нападавшего.

Грабитель, размахивая чем-то в одной руке, другой начал выдирать сумочку у дамы.

Тут же выскочили из листвяных схронов сбросившие оцепенение опера.

Все десять ментов, выхватив стволы, мчались на задержание. Все орали различные угрозы. Причем, их слова практически не отличались по форме от тех, которые только что выкрикивал грабитель.

Окружив женщину и ее злонамеренного попутчика, оперативники начали хватать жулика за шиворот, за грудки, заворачивать в различные узлы его руки и ноги. При этом угрожающе тыкали ему под нос табельные пистолеты имени Макарова.

Женщина, попавшая в круговерть из матюков, толчков и огнестрельного оружия, вдруг издала страшный пронзительный вопль и быстро сорвалась с места. В общем-то, ее можно понять. Шла, грустила, а тут толпа, то сумочку вырывают, то пистолетом в бок тычут.

Потерпевшая скрылась в ночи, а закованного вдоль и поперек преступника привезли в райотдел.

Утром начались заморочки. Оказалось, что задержанный по виду натуральный хлюпик, полтора метра ростом, и детским размером ноги. Сначала это не смутило Кусакова, но тут выяснилось, что неизвестно на кого он нападал. Жертва ночной агрессии, после побега с места происшествия, не подавала о себе знаков. По закону, получалось, что менты просто задержали подростка, который с пистолетом-зажигалкой гулял во дворе. Под имеющиеся приметы он не подходил, и вряд ли бы его опознали пострадавшие ранее дамы.

Дудукин, пригласив к себе Кусакова, повторил свое высказывание об умственном состоянии тех, кто работает в угро. Тот задумался.

Поскольку главной задачей милиции является не поимка преступников, а работа с показателями, нач.УР начал приглашать к себе ранее ограбленных женщин на беседу.

Пользуясь врожденным даром убеждения, он смог уговорить их, что на самом деле преступник был маленького роста и очень походил на задержанного. Если ему резонно возражали, что вряд ли он согласится вернуть похищенное, поскольку грабил-то раньше не он, Кусаков сообщал, что судье все равно, с кого взыскивать деньги. Главное, что это тоже бандит, и пускай расплачивается за грехи своих дружков. Особо щепетильных в смысле справедливости и конкретности возмездия гражданок не нашлось, и мелкого злодея осудили за все ночные грабежи. То, что он якобы приехал в райцентр за два дня до своего налета, а до этого был в гостях у бабушки в Южно-Сахалинске, и даже показал билеты, судью не впечатлило.

А грабежи прекратились. По городу прошел слух, что следующая засада никого не будет брать живым, а сразу стрелять в голову. На мнительных злодеев это подействовало.

А настоящего грабителя взяли через месяц, за квартирную кражу. При этом, воздействуя на его совесть, уговорили взять на себя еще штук пятнадцать таких же преступлений.

Встретившись в колонии с мелким грабителем, он узнал, что через форточки в хаты лазил именно он. Вот и получилось, что жулики мотали срок друг за друга.

А премию Свете не дали, потому что злодей на нее не клюнул. Да и нет в райотделах лишних денег на премии. В отгул, конечно, отпустили.

А исчезнувшая в ночи женщина так и не объявилась.

Таежный отморозок

Много было всякого, но если честно, то этим делом я очень горжусь. Силами семи оперативников в течение недели изловить в лесу бывалого таежника, а потом еще просчитать его действия, и взять, вооруженного, без шума и пыли. Это здорово.

Узнать через пять дней, что ты был под прицелом, и только чудо спасло от карточного выстрела дуллетом метров с пяти в спину, это тоже здорово.

Много в родной Каме с тех пор воды утекло, но давние те события запомнились хорошо. Весной того года президент объявил помилование многочисленным убийцам, даром проедавшим хлеб в российских тюрьмах.

В район из колоний разного режима прибыло около десятка ранее осужденных за "мокрые" дела граждан. Практически все они через месяц-другой либо снова вернулись за колючую проволоку с повторным диагнозом "убийство", либо были похоронены за казенный счет, зарезанные своими приятелями.

Один из таких, Борис Вратов приехал в родное село Зеленый Яр в середине апреля. Пять лет из пятнадцати, определенных ему судом, он не досидел в зоне строго режима.

Пять сирот за пять секунд

Десять лет назад Борьке сказали, что, дескать, юноша, пора, в ряды армейские вступить и пару годков позащитать Отчизну. Вратов, будучи парнем злым, считал себя очень крутым, и решил отказаться от почетной обязанности.

Дело было по весне. Борис взял с собой карабин, патроны, соль, спички и сообщил в сельсовет, что в армию он не пойдет, а если будут силком принуждать, всех перестреляет. И ушел в тайгу.

В военкомате, узнав о таком решении призывника, почесали затылок, и постановили подождать, пока парень не успокоится.

Но Вратов об этом не знал, и, думая, что сейчас его начнут активно искать, был настороже. Обитал он в районе заброшенной деревни, километрах в десяти от ближайшего села.

Деревня стояла на берегу Камы, на крутом обрыве, откуда были хорошо видны просторы камского моря, по которым, в те времена, еще активно, сновали сухогрузы, катера, баржи и прочая водоплавающая техника.

Незадолго до этого, капитан одного из катеров прикупил себе в заброшенной деревушке этой дом. И как-то раз, проходя мимо, решил в него понаведаться. Ткнулись в берег, кинули чалку на кряжистую березу, спустили трапик на песок, и, вместе с механиком катера, пошагали к будущей даче. Одеты речники как положено, китель с погонами, фуражка, галстук.

Идут не спеша, разговаривают. Мужики серьезные, степенные. У одного двое детей, у другого-трое. Вот об них и говорят.

А Боря Вратов залег метрах в двухстах от них, в первой яркой весенней травке, и патроны в ствол засылает.

По глупости своей, принял он речников, увидав их форму, за военных. И в башку свою тупую тут же мысль вбил, что это за ним из военкомата злыдни приехали.

И двумя патронами, подпустив поближе, убил он и капитана, и механика. За несколько секунд пятерых детей осиротил.

Начали его искать. ОМОН, пол-райотдела подключилось. На трассе, до которой километров тридцать, посты расставили. Взяли его через месяц, без стрельбы, окружив в доме у знакомых.

Дали пятнашку, и, вот, не досидев треть от назначенного, Боря приехал домой.

Родная тайга и зондеркоманда

Дома Борька разошелся. Гулять, так гулять. Круто все. От армии отмазался, от тюрьмы тоже, да я же головастый супермен. Что хочу, то ворочу. Загулял Вратов. Но местных мужиков не трогал. Знал, что в случае чего, в милицию не пойдут. Посадят на кол, а потом зарюют тихонько. И все.

С малолетками тусовался. Жил у сестренки двоюродной. Его-то родители умерли давно. И вот приехала к ней подружка, погостить. Так-то она на федеральной трассе трудилась, обслуживала водителей. А сейчас пока на больничный вышла. Профзаболевание у нее. Гонорея. Вот и мотанула к подружке на время вынужденного простоя. Воздух свежий, природа чудесная, камские просторы глаз ласкают. Лекарства с собой. Санаторий, короче.

Боря на нее внимание обратил. Предложения делал, сеновального типа. Подружка, из девичьей скромности не сообщала ему о своем недуге, а просто отказывала.

Вратов раз нажрался спирта, да силком девку и взял. Она отбивалась, а он ей синяков навешал. Девчонка утром ему в запале сказала, что пойдет к ментам, и его посадят.

Боря в тюрьму больше не хотел. Он тут же взял двухстволочку свою, патрончики, соль, спички и снова в тайгу подался.

"Возьмут, так возьмут,-думал он.-А отобьюсь, еще лучше будет. Тем более, что за убийство сейчас не расстреливают, на крайняк еще раз лет десять за пару ментов отсижу".

С такими мыслями Вратов начал проживать все в той же заброшенной деревушке, где десять лет назад убил двух человек.

В милиции о событиях в Зеленом Яре узнали на следующий день. Ситуация опасная. Но решили подождать дней несколько, чтобы Вратов немного успокоился, расслабился. Ответственность за это взял на себя майор Кусакин, нач.УР.

Потом начали собираться в экспедицию. Как ловить таежников в лесу, не знал никто. Но антипартизанскую зондеркоманду все же сформировали. Возглавил ее Кусакин.

Было в ней шесть оперов из уголовки, участковый с помощником, и десяток сержантов. Этим заставили взять каски, бронежилеты, автоматы. Остальные вооружились табельными макаровыми.

Поскольку сухопутного пути до Зеленого Яра не было, экспедиция отправилась туда на катере, взятом в аренду у рыбнадзора.

Кусакин предполагал, что Вратов будет отсиживаться все в той же безлюдной деревне и внимательно наблюдать за всем речным транспортом.

Тогда, вдоль берега там бегал один катерок с земснаряда, добывавшего гравий со дна реки. Кусакин логично предположил, что катерок примелькался Вратову, и он особого внимания на него не обратит.

Прочапав часиков шесть вверх по Каме от райцентра, менты выгрузились на рыбацком становище Седого, километров шесть не доходя до заброшенной деревни. Вскоре показался земснарядовский катерок. Пересели на него, и залезли в каюты. На палубе никого. Катер подошел к деревеньке, причалил. И зондеркоманда бегом ринулась вверх по склону.

-Вот он,-заорал глазастый участковый, вытягивая руку.

Метрах в трехстах от бегущих ментов, между домами, заметалась маленькая фигурка, и скрылась в одной из изб.

Отрезав путь в лес, члены экспедиции окружили дом, в который забежал Вратов.

Кусакин, выделявшийся из камуфлированных своих подчиненных кожаной курткой и бледно-синими джинсами, расставил всех вокруг. Потом он понял, что вот просто так стоять-это не дело. Бандит внутри, а менты снаружи. Кому-то надо идти и проверять за печкой и в других местах.

Получилось так, что накануне выезда майор здорово поддал, и собираясь в поход, взял с собой только зубную щетку, носовой платок, блок сигарет, спички и тысячу рублей из секретного фонда уголовного розыска. Про остальное он не подумал.

Парни залегли и ждали. До Кусакина дошло, что кому-то надо прямо сейчас идти в дом. Он вздохнул, поднялся на крыльцо, и дернул двери на себя, спрятавшись при этом за косяком.

Сзади пристроились опер и обвешанный амуницией сержант.

Кусакин подобрал с земли какую-то железку и швырнул ее в темные сени.

-Выходи, Боря,-хрипло произнес майор.

Но Боря не отзывался.

Кусакин вздохнул, и, придерживая за собой руками рвущихся вперед парней, шагнул в затененное пространство.

Вскоре обшарили все пристройки и чердак. Пусто. Оставалась сама изба. Майор осторожно приоткрыл толстую дверь, увидел нависшие над ней полати, печку, и прикрыл двери обратно.

Выйдя на улицу, он закурил, держась подальше от окон.

Парни смотрели на него, ожидая команды.

-Вот что,-Кусакин бросил окурочек.-Где у нас там "Черемуха"?

К нему подбежал сержант с помповым ружьем, предназначенным для стрельбы газовыми патронами.

-Давай, штук пять в окна,-дал команду майор.

-А нам можно?-оживились автоматчики.

-По одной короткой, чтоб стекла разбить. Ну, давай.

Загрохотала канонада, правда недолгая. Три рамы вылетело к черту. Изба наполнилась белым газом.

Парни, напялив противогазы, бросились на штурм. Но Вратова в доме не было. Чудеса. На глазах кучи милиционеров он забежал в дом, но там его не оказалось. Дом прошарили весь, но факт исчезновения был налицо.

Зондеркоманда собралась на улице. Парни озирались по сторонам. Все понимали, что Вратов где-то здесь, но где?

Мрачный Кусакин, разочарованный неудачным началом, и предвидевший тягомотные поиски в лесу, принял решение. Двух автоматчиков он оставил до утра на в разгромленном доме, на всякий случай, а остальные погрузились на подошедший катер рыбоохраны и направились в Зеленый Яр.

Поселились члены экспедиции в рыбацком домике. Метод поиска был избран простой, но как потом оказалось, эффективный. Было решено отрезать Вратова от продуктов питания. Май месяц, в лесу еще ничего съедобного не выросло. На трассу он не сунется, думает, там перекрыто. На катер его не посадят, а скорее утопят. Жрать ему нечего. Стрелять побоится, чтобы не обнаружить себя.

Чтобы аборигены Зеленого Яра прониклись важностью происходящего, и помогли стражам правопорядка, провели ряд акций.

Обычно было так. Глубокой ночью, группы по три-четыре человека врываются в тот или иной дом, мотивируя свой визит, что видели кого-то недалеко. После досмотра и угроз посадить на дни нары с Вратовым, если будут ему помогать, менты уходили. Вскоре все население Зеленого Яра ненавидело Борю Вратова. Агенты, завербованные за жвачку и сигареты из местных пацанов, рыскали по селу и лесам. Тому, кто сдаст Борю, обещан был блок сигарет. Но пока удачи не было.

Вскоре Кусакин обнаружил, что у него есть лишние коллеги. Участковый с помощником собирали ясак с деревенских-рыбу, сушеную и соленую. Сержанты, бравые вояки, были не способны грамотно вести себя с населением. Всех их пришлось отправить на Большую землю.

Остались шесть оперов, Кусакин, шесть пистолетов и два автомата. Каски и бронежилеты тоже отправили.

Ко всему прочему прошел еще и ураган. Подача электричества в село прекратилось, так как столбы попадали, провода порвались.

Связь с райотделом была только по рации, стоявшей в сельсовете.

Каждое утро Кусакин, в ободранной при лазании по лесу куртке и джинсах, брал с собой здоровенную палку, чтобы отбиваться от бесчисленных собак, и шагал на сеанс радиосвязи.

По пути он заходил к главе села, женщине средних лет, и вместе с ней разыскивал единственный в Зеленом Яре трактор. Вечно поддатый тракторист Яков заводил агрегат и подгонял его к сельсовету. Там он глушил движок и засыпал в кабине. Кусакин отсоединял аккумулятор, при помощи сельского главы заносил его в кабинет.

Там тракторную батарейку соединяли с рацией, и выходили на связь с соседним селом, до которого было километров тридцать. Тамошняя глава принимала радиограмму и потом по телефону сообщала ее в райотдел, полковнику Дудукину. Разумеется, во время радиосеанса ему передавали распоряжения и соображения начальства.

Прошло несколько дней, но Вратова задержать не удалось. Он бродил голодный, так как запуганные милицией сельчане гоняли его от домов, страдал подхваченной болезнью, но не сдавался.

Опера продолжали по ночам кошмарить Зеленый Яр. Безрезультатно.

Надоело это всем до чертиков. Кусакин принял решение о завершении похода и возвращении экспедиции домой.

Но. Поступила информация, что надвигается семик-день поминовения усопших. Люди пойдут на кладбище. А могильник-то рядом с той самой заброшенной деревней.

Пришли сведения и о сестре Бориса. Она тоже собиралась на семик, но почему-то решила идти с вечера. Заночевать там, в какой-нибудь пустующей избе, а потом уже на кладбище топтать.

Стало ясно, что сестренка хочет подкормить братика. Опера решили, пускай идет. И без всякой слежки.

Думал Кусакин так. Вратов, проверившись, нет ли хвоста, приползет к сестренке. Нажрется там от пуза, и уйдет ночевать в какой-нибудь дом около леса. Наевшийся, он будет крепко спать.

Так все и вышло. Опера подошли к заброшенной деревне около четырех утра. Тихонько заглянули в ближайший к лесу дом через окна без рам, и сразу увидели сопевшего во сне Вратова с обнимку с ружьем.

Кусакин, нетерпеливо ожидавший на крылечке своих парней, увидев бандюгана с наручниками на запястьях, расцвел в улыбке.

Вратов хромал и смотрел на свет через заплывшие от синяков глаза. Видимо, сопротивлялся.

Пока ждали моторную лодку, поговорили с ним. Он рассказал, что из дома, когда его окружили, он ушел через голбец-подвал. Там было окошечко, оттуда в кусты, и прополз рядом с ментами.

Потом он, обозленный, залез осторожно в соседний дом и решил завалить пару ментов и сдать ся.

-Взял на прицел мужика в кожаной куртке, наверно, начальник какой,-бубнил Борис, не поднимая головы.-Щас, думаю, всажу ему дуплетом. А вы как начали бабахать, стекла вдребезги. Не, думаю, не буду стрелять. Эти живыми брать не будут. Притаился.

Кусакин, сидя напротив, почувствовал на себе взгляды оперов.

Да, майор, промедлил бы ты минутку с командой на штурм, лежал бы уже в земле.

Вратову за изнасилование дали три года. Выйдя на свободу, он не вернулся в свое село, а устроился на работу в райцентре, подсобным рабочим на лесопилку.

Сутки уголовного розыска

Зам по оперработе ИВС (изолятора временного содержания) утром тихонько сообщил начальнику уголовного розыска Кусакину, что в пятой и четвертой камерах все жулики пьяные.

Майор спустился в "трюм", и убедился, что это правда. Все обитатели указанных узилищ были со страшного бодуна, и ужасно воняли перегаром. Если их вызовут на допрос, может быть скандал.

Решив вопрос с тюремным фельдшером, что в двух камерах эпидемия поноса, и поэтому будет что-то вроде карантина, злой Кусакин поднялся к себе, дав задание "зарядить" камеры, чтобы выявить алкотраффик.

Вскоре к нему в кабинет зашел опер с отказным материалом. Оперативник был опытный, материал пустячный, но имелась маленькая зацепка. Лейтенант приехал в райцентр из маленького городка в Киргизии, где, по его словам, они вместо уроков, целыми днями рвали коноплю в Чуйской долине и сжигали ее. Видимо, чаще всего они пропускали уроки русского языка.

На оперской зоне была улица Ветеринарная, и парень, недолго думая, в своих материалах писал ее как "Витиринарная". Интеллигентному Кусакину это резало оба глаза. Дважды он делал замечание оперу, как следует правильно изображать на бумаге это слово. Потом он не выдержал, и набил название улицы на компьютере, распечатал и положил оперу на стол, под стекло. Выглядело это так: "Сергей Владимирович, очень прошу, вот так надо – вЕтЕрИнарная. С уважением, Кусакин".

В новом отказном майор сразу наткнулся на проклятое слово. Он медленно поднял голову, вздохнул, и злобно спросил: "Издеваешься, да?"

Опер засуетился, схватил материал со стола, начал причитать, и валить вину на соседа по кабинету.

-Все, хватит с меня,-плюнув в урну, прорычал Кусакин.-Один слово не может выучить, другой в камере нажрался. Зови всех оперов сюда.

Через несколько минут все наличные опера столпились в кабинете начальника.

Кусакин приказал им сесть и выдал каждому по листку бумаги и ручке.

-Диктант!-объявил он и подумав, добавил.-Чтоб водку меньше жрали!

-Условия такие,-сообщил Кусакин.-Диктую одно предложение. У кого больше трех ошибок, два дополнительных дежурства в опергруппе на месяц. Запятые, точки, тире не считаются. Начали.

Начальник УР зачитал своим подчиненным такие слова: "По улице Ветеринарной шла корова и жевала целлофановый пакет. Собака, отпущенная ветеринаром домой, сдохла".

Когда он произнес слово "Ветеринарная", опера посмотрели на лейтенанта Серегу. Тот испуганно глянул на Кусакина и забормотал: "Забыл, забыл".

Опера стали заглядывать друг другу в листочки. Но начальник пресек списывание и подглядывание, и забрал сочинения себе.

Проверка длилась минут двадцать, потом опера не выдержали, и забились в кабинет Кусакина. Тот пребывал в отличном настроении.

-Ну, коллеги, не ожидал такого от вас, не ожидал,-улыбаясь доброй улыбкой, сказал он.- Хорошая новость. Никто из вас не будет дежурить сверхурочно.

Опера приосанились и тоже заулыбались.

-Дело в том, -продолжил Кусакин.-Что ни у одного из вас нету меньше трех ошибок. Идите и работайте, витиринары, ёшкин-мошкин! Сергей Владимирович, а вас я попрошу лично изловить того, кто напоил жуликов сегодня. Иначе...

Понурые опера, тьякая кулаками выходца из Киргизии, покинули место действия.

Кусакин, качая головой, перечитал их диктанты.

Все парни сломались на ветеринарии, целлофановом пакете и мертвой собаке.. "Ветиринарная, витеринарная, ветеренарная". Пес у всех "здох". Над целлофаном опера поиздевались от души. Начали с уже классического "салофана", и дальше шли варианты. Только один написал правильно, но потом, видимо, решил подстраховаться, и зачеркнул одну букву "л".

На следующее утро четвертая и пятая камера вновь оказались пьяными. Но верные люди, ночевавшие там, сообщили, дыша перегаром в лицо зам по опер ИВС, что ночью к окошкам подкрался некий Вжик, и найдя место, где был предусмотрительно отломан кусок стекла, про-сунул туда шланг и перелил по нему где-то по литру спирта в каждую камеру.

Вжик был мелким крысенышем, мечтавшим о воровской карьере. Поэтому опера, обо-зленными проваленным накануне диктантом, вытащили его из дома, и положили первый камень в его карьеру. После трехчасовой беседы Вжик взял на себя три квартирных кражи и воровство бензина из милицейского уазика.

Больше всех при допросе свирепствовал Сергей Владимирович.

-Значит, вещи в целлофановый пакет сложил,-шипел он, глядя в тупые глаза Вжика.-А потом на улице Ветеринарной продал?!

Вжик согласился со всем. Явку с повинной, которую он написал, опера заставили его переписать несколько раз, добиваясь безукоризненной грамотности.

Психологи

Жена пропавшего ревела. Четыре дня назад муж ушел к теще за деньгами, которые заняли на покупку холодильника, и исчез.

Четыре дня – это серьезно. Тем более, с деньгами был человек. Отдает криминалом.

Когда, сморкаясь и утираясь, заплаканная женщина ушла, Кусакин прочел внимательно ее объяснение и повернулся к оперу-зональнику Юре Коротаяеву.

– Что скажешь?

Юра встал со стула.

– Будем искать, – он взял документы со стола. – Труп-то никто не находил. Пьет, наверно, где-нибудь, гад.

Вечером, около девяти, Юра зашел в кабинет Кусакина.

– Ну что я говорил, – опер уселся на стул. – Читаю сейчас в дежурке списки задержанных, смотрю, в "мойке" (вытрезвителе) фамилия знакомая. Опа, да это утренний потеряшка. Я их натуру знаю. Позвонил мужикам, сказал, чтобы не отпускали утром. Поговорим.

– Ну вот и хорошо, – отреагировал Кусакин.

-Его уже неделю на работе нет,-заведующая Домом культуры наклонилась поближе к Кусакину.-Понимаете, неделю. А сожительница его сидит дома и ревет. Думает, что он ее бро-сил. Ага, взял с собой буханку хлеба, кусок колбасы, сел на велосипед и уехал. Променил на велосипед. Дура такая!

Начальник уголовного розыска Кусакин внимательно слушал. Если пропавший освети-тель из ДК не появляется неделю, хотя раньше в таком замечен не был, может тут и криминал. А на велосипеде укатил мужичок на дачу в поселке Октябрьский, в десяти километрах от рай-

центра. Кусакин отправил туда помдежа осмотреться. Толковый сержант доложил по приезду в отдел, что дом у потеряшки не закрыт, на столе остатки еды, рассыпан порох и гильзы от охотничьего ружья. И никто в поселке этого осветителя не видел.

Что-то тут не так. Завтра была суббота, но откладывать до понедельника работу не стоило. Кусакин запланировал выезд. С ним ехали Коротаяев и зам по опер.работе ИВС Сергеич, стремившийся почаще избегать домашнего уюта.

Прошедшая пятница наложила свой отпечаток на оперов. Все, в том числе и водитель, приперлись в субботу с похмелья. Кусакин купил двухлитровую бутылку пива, кинул ее на заднее сиденье уазика, решив поправиться уже в поселке, на свежем воздухе. Всю дорогу он прокемарил на переднем сидении, вполуха слушая рассказ Юры о предыдущем потеряшке.

– Он деньги у тещи взял, и корефана встретил, – Коротаяев прервался, помолчал и продолжил. – Ну и понеслось. Где он был четыре дня, куда его носило, не помнит. Проснулся днем в дровянике каком-то, в трусах и ватнике. Там рожи бичевские какие-то. Угостили его спиртом, он глотнул и пошел домой. По дороге его и хапнули наши, и в "мойку".

Погода стояла прекрасная. Здоровый лесной воздух, приятный вид на высокие елочки и прочие березы вызвал у Кусакина доброе настроение. Для еще большего поднятия духа майор решил глотнуть пивка.

Но.

Пиво по дороге выжрали Коротаяев и Сергеич.

– Мы думали, это нам пиво, – Юра неуверенно оглянулся на более старшего Сергеича.

Кусакина уже не радовали прекрасные деревья и замечательный воздух.

– Магазин тут есть? – майор раздраженно начал прикуривать.

– Нету, – обреченно ответил Коротаяев.

– Тогда искать! – выпустив дым, прошипел Кусакин.

– Пиво? – уточнил Сергеич.

– Осветителя этого искать! – плюнул на нежную травку начальник уголовного розыска. – Алкоголики! Правильно милицию ругают! У родного начальника пиво выжрать! Извращенцы!

Путем опроса населения маленького поселка удалось узнать, что здесь, как и в любом уважающем себя населенном пункте есть притон, где пьют всякую гадость и даже дерутся.

Притон оказался бывшей свинофермой, перестроенной в годы демографического подъема в деревенскую школу. Потом, когда дети в поселке кончились, здание продали мужику из райцентра. Тот с друзьями приезжал сюда на выходные и морально разлагался.

Здоровенный дом оказался заперт на замок. Оглядевшись, Сергеич подобранной железкой вывернул петли.

– Безобразие, – покачал головой Кусакин. – Уезжают, двери не запирают, а если воры? Опять милиции отдуваться?

Большинство помещений было заброшено, проживали и бухали хозяева в двух комнатах. Их досмотрели особо тщательно, но ничего не нашли.

Сбоку был еще вход. Откинув запорный крюк, открыли дверь. Выпрыгнули, поскольку высоко, наружу. Сергеич вдруг стал пристально осматривать дверь.

– А чего это? – он пальцем показал на темные мелкие брызги на досках. – А это ведь кровь.

– Поехали хозяина долбить, – Кусакин внимательно всмотрелся в пятнышки, и увидел такие же на полу. – Да, брызгали тут чем-то.

Владельца дома привезли вместе с приятелем. Оба явно гужбанили несколько дней подряд и чувствовали себя плохо. Задержали их как мелких хулиганов. Они, как установил Коротаяев, отчаянно ругались матом в присутствии прохожих.

– Сейчас я к ним метод применю, – Сергеич, в знак искреннего почтения и извинения купивший бутылку пива и выпивший его вместе с Кусакиным, начал действовать. – Вас в высшей школе милиции психологии учили?

– Ну да, – кивнул Кусакин. – Марксистско-ленинская этика и эстетика, и психология, чего-то там, вроде партийно-политической работы в органах внутренних дел.

– Туфта, – Сергеич разлил остатки пива. – У нас, в Елабуге, в средней школе, все реально было.

– Ну, давай тогда, – подбодрил его майор. – Покажи класс.

Сергеич спустился в дежурную часть, внимательно осмотрел задержанных. Похмыкал и одного из них увел к себе в кабинет и начал его бучкать. Причем, колотил его молча, не задавая никаких вопросов. Кусакин не вмешивался, а просто наблюдал. Упарившись, Сергеич прорычал мужику: "Понял?!" и водворил того в камеру.

Второго матерый милицейский психолог встретил приветливо. Потолковал за жизнь, похмелил спиртяшкой и вежливо отправил в узилище.

– Вот так, – Сергеич закурил. – Индивидуальный подход решает все.

– Круто, – Кусакин покачал головой. – Ладно, я пошагал домой. Завтра поработаем еще с ними.

Утром приключилось фиаско. Задержанные наотрез отказывались говорить про осветителя. "Да, был, да, бухал, да, ушел, все".

Кусакин вздохнул. Он общался с отбуцканным накануне мужиком.

– Слышь, ты это, извини за вчерашнее, – сказал он ему. – Сам понимаешь, нервы. Мы-то знаем, что ты не убивал. Давай уж, расскажи, как дело было. Водки будешь?

– А чего он молча меня дубасил, – начал заводиться тот.

– Да ладно тебе, – майор махнул рукой. И приврал. – Осветитель-то его приятель хороший.

Рассказывай, как чего там.

Он налил полстакана водки, положил рядом кусок хлеба с салом, но в руки мужику не давал.

Тот, глядя на стакан, начал рассказывать. Оказывается, в ту ночь их было пятеро. Он с приятелем, два брата-дачника и осветитель. Братья за что-то набили тому морду. Осветитель убежал, пришел с ружьем. Ствол отобрали, и чтобы больше не выступал, один из братьев свернул ему шею.

– Хрустнуло так, и все, – хихикнул мужик. – Можно уже выпить?

Кусакин вытряс из него фамилии братьев, примерные адреса, дозволил хапнуть водочки и отвел его обратно в камеру.

В своем кабинете Сергеич путем угроз и легких побоев вытряс такую же информацию из похмеленного им накануне мужика.

Братьев повязали в тот же вечер. Убитого они скинули в лесную яму с водой, привязав к нему кусок бетонной плиты. Откачав пожарной машиной воду, труп достали. Поскольку труповозка застряла на лесных дорогах, покойника привязали к пожарной лестнице и так до морга и довезли.

– Ну ведь согласишься, – вечером Сергеич с Кусакиным отмечали раскрытие убийства.– Психология, это вещь.

– Да, здесь тебе равных нет, – согласился майор.

Упрямый розыск

Табуретка для висельника

Под самый Новый Год оперативники взяли квартирного вора Лешу-Прыгуна. Поймали его с поличным, когда он вылезал из форточки обворованной квартиры, держа за пазухой пакет с деньгами и золотом. Кололи его от души, и на пятые сутки заточения он решил, абсолютно добровольно, показать, где и кому в областном центре сбывал ранее краденое имущество.

Уговорить следователя вывезти Прыгуна "на показ" под конвоем не удалось, и опера пришли к начальнику уголовного розыска Кусакину.

– Он только покажет, где адрес, и все, – стараясь быть убедительным, вещал старший оперуполномоченный Саша Дугов. – Он же в наручниках будет. Завтра тем более Рождество.

Кусакин, видя, что парни поймали кураж, и Рождество здесь ни при чем, а так, для красного словца, вздохнув, пошел в следственный отдел.

Следователь разрешила вывоз жулика под личную ответственность начальника уголовного розыска.

Утром служебный уазик увез трех оперов и Прыгуна в областной центр.

Перед обедом Кусакину позвонил Дугов и бодро доложил, что жулик, после того, как показал квартиру скупщика краденого, от них убежал.

– Он обещал нам еще контрольный закуп героина сделать, – звенел в трубке голос опера. – Ну мы ему наручники на лодыжку одели, дали пятьсот рублей. Он в магазин запросился, за куревом. И мы с ним, а он, за кассу, за бабу какую-то, и через служебный вход ушел. Что делать?

– Табуретку из дома принеси, чтобы мне вешаться удобней было, – ласково ответил Кусакин. – Паркуйтесь там к отделу, в каком районе он сдернул и ждите. Рацию не выключайте!

Следователь устроила истерику, начальник ОВД коротко дал команду заправить еще два уазика уголовки бензином и сказал три слова: "До девяти утра!"

Дежурный по отделу и его коллега по ИВС согласились с полковником милиции.

Кусакин и еще пять оперов неслись в уазиках по снежному шоссе в областной центр ловить сбежавшего наркомана. Город миллионный, в лицо Прыгуна знали все оперативники, так что шансы поймать его были.

– Шансы такие же, – думал Кусакин. – Один к миллиону. Сейчас главное, парней отгородить, наказание – неполное служебное соответствие переживу, ладно. Все, что сможем, сделаем, а потом гроза.

За побег из-под стражи карают сурово, и не только жулика, но и тех, кто его проворонил. Кусакин перед отъездом написал и подписал бумаги, в которых всю ответственность за сохранность Прыгуна еще раз взял на себя. В то, что его удастся поймать вообще, а не только к утру, он не верил. Но, сдаваться нельзя, это он тоже знал. В любой ситуации биться надо до самого конца. И даже после него еще не сдаваться.

Немного истории

Пока ехали, он вспомнил веселую историю по сдаче экзамена по политической экономии социализма, случившуюся с ним в школе милиции.

Самое обидное, что по политэкономии капитализма у него, слушателя высшей школы БХСС, было все хорошо. Знаменитая формула Карла Маркса "Т-Д-Т", преподносимая преподавателями, как "товар-деньги-товар", расшифровывалась обычно как "товар-деньги-тюрьма", очень ему помогала. Все было просто и ясно. По капиталистической политэкономии у Кусакина поэтому были одни сплошные пятерки. Но социализм, точнее, его экономика никак не давались будущему начальнику уголовного розыска. Он просто не мог понять абсолютно ничего.

Какие-то фонды накопления, фонды потребления сводили его с ума. К тому же в стране началась перестройка, и социалистическая экономика трактовалась сейчас загадочно. В журналах "Наш современник", "Коммунист" и прочих ведущие экономисты СССР Шмелев, Нуйкин и подобные несли черт знает что.

Кусакин не понимал, о чем им говорит с трибуны лектор – надменный кандидат наук Ершов. Тот упирал на то, что конверсия будет панацеей для страны. Но ведь это невыгодно, делать кастрюли вместо баллистических ракет, думал Кусакин и даже спорил на семинарах по этому поводу.

Однако Ершов считал его коммунистическим диссидентом и ставил ему двойки за несогласие с курсом перестройки. В учебной группе Кусакина парни были такие же упрямые и считали новые экономические теории бредом, за что страдали, как и он.

В середине семестра, насытившись неудами, почти все однокашники Кусакина из "тоталитарной" группы, и он сам просто перестали ходить на занятия по политэкономии социализма.

Ершов ухмылялся и говорил, что поставит рекорд по количеству двоек на экзамене. Из тридцати двух слушателей неуды грозили двадцати шести.

Наступила сессия. Экзамен у Ершова был уже завтра.

Оперативная комбинация

Кусакин проснулся и загорюнился. Получать двойку не хотелось. В этом случае накрылись зимние каникулы. Вдруг в комнату ворвался его приятель – Дима, также входящий в число жертв политэкономии социализма.

– Вставай скорее! – Дима от возбуждения прыгал на месте и махал руками. – Беги, пиши рапорт, что у тебя дома эпидемия кариеса или холеры, чумы, чего угодно. Что все твои род-

ственники болеют, лежат без чувств. И попроси разрешения сдать экзамен досрочно! Другому преподавателю, а не Ершову, понял?! Я уже сдал. На тройку, и ладно.

Через секунды Кусакин вместе с товарищами уже носился по учебному корпусу, отыскивая нужных людей. Первым свою визу наложил начальник курса. Он только глубоко вздохнул, и подписав последний рапорт, перекрестился.

По пути слушатели отыскивали одного из преподавателей политэкономии – Василия Ивановича, и договорились, что он примет у них экзамен досрочно.

Дальше требовалось согласие на досрочную сдачу начальника учебного отдела. Полковник в это время водил по зданию экскурсию из пары надменных представителей МВД СССР. Высоких гостей оттерли в сторону, и подпихнув полковника к подоконнику, выложили перед ним стопку рапортов. Тот также глубоко выдохнул и молча утвердил прошения.

Оставалось только заполучить визу зав.кафедрой политэкономии. Но тот, заядлый спортсмен, ушел кататься на лыжах в лес. Около пяти вечера он появился. Стерегущие вход слушатели обхватили зав.кафедрой плотным кольцом, сунули в руку ручку, и тот подписал рапорта, подкладываемые ему на спину одного из двоешников.

Все отлично! Но. Пропал старичок, бравый подполковник Василий Иванович.

Первый розыск

В этот вечер Кусакин узнал и понял, как ищут человека в большом городе (Горький – сейчас Нижний Новгород). Хотя оперативно-розыскную работу они должны были изучать только в следующем семестре, слушатели не растерялись. Быстро съездили к преподавателю домой, выяснили, что он дома не появлялся. Около дома оставили засаду. Путем зашифрованных опросов установили адреса родни и приятелей Василия Ивановича. Помчались туда. Старичка нигде не было.

Стали прочесывать улицы около дома, заглядывая в подъезды и окна первых этажей, на удачу.

Кусакин шел по улице Свердлова, ныне Большой Покровке и машинально осматривал прохожих. Вдруг, в большой очереди около вино-водочного магазина он увидел ноги в милицеских штанах, а сверху потрепанное драповое пальтишко. Подойдя поближе, Кусакин заглянул под кроличью шапку владельца брюк. Это и был Василий Иванович.

В течение четырех часов усилия двадцати слушателей достигли результата. Преподаватель был найден. Он просто бухал с друзьями в одной из гостиниц. После утрясания технических вопросов (покупки старичку пяти бутылок водки, и передачи ему ста рублей взамен тех, которые он сегодня "потерял", катания его на такси по любовницам и распития с ним флакона коньяку), Василий Иванович поставил всем положительные оценки.

На следующий день начальнику курса доложили, что группа экзамен сдала (тем, кто до конца ходил на занятия к Ершову, тот оценки поставил "автоматом").

– Пойду сообщу ему, что экзамен успешно сдан, – начальник курса вздохнул. – Сидит, наверное, ждет. А двоек-то не будет!

Розыск наркомана

Уазики приехали в областной центр, когда уже смеркалось. В райотделе местные опера помогли со списком наркопритонов.

– Думаете, найдете? – начальник ОВД недоверчиво покачал головой. – Ну, удачи вам.

Первым делом Кусакин отправил засаду из двух оперов на автовокзал, откуда ходили автобусы до родного райцентра.

– Он, что, дурак, идти туда, – выразил сомнение Дугов. – Не появится он там.

– Давай, давай, – Кусакин закурил. – Любой шанс надо использовать.

Остальные начали шерстить притоны. Вскоре упали на след Прыгуна. В одной из квартир он отметился, купил дозу и ушел. Буквально за полчаса до визита сыщиков.

Оперативники продолжали носиться по областному центру.

Уже стемнело, время подкатилось к десяти часам.

Вдруг, по рации прохрипел голос Дугова: "Первый, первый, я второй, клиент на борту".

Вскоре, все собрались недалеко от автовокзала. Торжествующий Дугов открыл двери "собачника". Скванный тремя парами наручников, Прыгун угрюмо смотрел на ментов. Видимо, он жестко сопротивлялся, так как лицо у него было изукрашено синяками.

– Поехали домой, – Кусакин сел в уазик и задремал.

Как позже рассказал Прыгун, после побега он зашел в какие-то гаражи, и попросил бухавших там мужиков помочь снять наручники с лодыжки. После чего, освобожденный беглец начал рыскать по городу в поисках героина. Вколол дозу в каком-то подвале, он покайфовал, очухался и решил ехать домой, к маме, как он пояснил. Успев на последний вечерний автобус, он уже протянул билет контролеру, как кто-то сильно сдернул его на землю и несколько раз дал по морде.

Капитан милиции третьего ранга

Начальник уголовного розыска Кусакин помогал найти выход из сложной служебной ситуации своему коллеге из следствия. Тот курил сигарету за сигаретой и посматривая в свой ежедневник, как-то по детски вздыхал.

-У тебя кофе есть?-следователь затушил очередную сигарку.-Я вообще не знаю, что делать! Уголовка, родная, на тебя вся надежда!

Кусакин пообещал уже в десятый раз, что следствие они не бросят. Никогда.

Забыв про кофе, начальник следствия встал со скрипучего стула и пошел к себе.

В дверях он столкнулся с недавним начальником дежурной части отдела, а сейчас пенсионером, майором МВД в отставке и одновременно завхозом районного суда Мариной Степановой.

-Здрате,-невысокая Марина уступила проход.

-На восемнадцать процентов,-ответил следователь и ушел.

Степанова озадаченно посмотрела ему вслед, и поинтересовалась у Кусакина, чего это всегда бодрый майор юстиции странный такой.

Тот пояснил, что сегодня проходило тематическое общекраевое селекторное совещание по вопросам следствия. Поскольку у них все плохо со статистикой, главный следственный генерал дал указание по ее улучшению. Одно из его предложений чуть и не свело с ума начальника следственного отдела. Генерал велел всем следственным отделам края при возбуждении уголовного дела указывать планируемое количество обвиняемых по нему. И соответственно, в ежемесячном отчете отражать общее число ранее запланированных, и реальное, по окончанным делам. А дальше, как обычно, будет выводиться средний показатель, и у кого разница будет больше, того и накажут.

В начале расследования преступления знать, сколько по делу пройдет обвиняемых, и будут ли они вообще, задача, ранее посильная только Вольфу Мессингу или Нострадамусу и прочим ясновидящим. Но российская милиция, заключил рассказ Кусакин, обязательно поспрамит этих шарлатанов и удачно справится с новым испытанием.

Они с Мариной посмеялись и налив чаю, начали обсуждать ее новую работу.

-Представляешь, месяца еще не работаю, а уже заморочки. У них, в суде, требование пришло, чтобы все работники были с высшим образованием, даже завхозы,-пожаловалась Степанова.-Ладно судьи, и секретутки ихние, им документы там дела приговоры надо грамотно писать, а я-то причем?

Кусакин задумался.

-Дело тяжелое, да уж. А чего? Купи диплом на рынке. Точно. У тебя же сын компьютерщик. Пусть он найдет какой-нибудь давно закрытый институт, списки же ихние есть, наверно в интернете, а на базаре тебе его и впишут,-начальник уголовки отхлебнул чаю.-Начнут проверять, а ответа не дождутся. Вот и все.

Степанова засмеялась.

-Скорее всего так и сделаю,-она поставила чашку на стол.-Я к тебе за советом по другому делу пришла.

Марина напомнила, что месяц назад, в последние дни ее службы, отмечался день штаба МВД. Поскольку денег на премии не нашлось, дарили что придется. Начальнику отделовского штаба вручили какой-то значок, а ей как главному милиционерскому дежурному ценный подарок – кортик.

Кусакин вспомнил, не выдержал и засмеялся. Действительно, тогда начальник райотдела торжественно зачитал список, приглашая награжденных поближе к себе. Совал то электрочайник, то непонятный, но красивый значок, а когда дошло дело до Степановой, застопорился.

Выяснилось, что кортик, награждение которым уже вызвало тишину и любопытство среди сидевших в зале милиционеров, пропал. Его почему-то не прислали вовремя из ГУВД.

Все были разочарованы, так как хотелось посмотреть на диковинную, ранее не виданную вещь.

Но Степанова тогда, практичная как все женщины, недоуменно спрашивала у всех, что ей делать с кортиком, если он найдется. Знатоки поведали ей, что он нужен при абордаже, тыкать врага в пузо. А мясо или там лук им резать нельзя, потому что он тупой. Да и недостойно.

Почему майора милиции наградили кортиком, исконным оружием морских офицеров, осталось загадкой. До ближайшего к райотделу – Баренцева моря, по прямой было три тысячи километров.

И вот сегодня Степанову пригласили в службу кадров и сообщили, что кортик прибыл, и будет ей вручен 10 ноября, в день милиции. Велели надеть форму. Марина отчего-то, не подумавши, сказала, что у нее только милиционерская форма, а не морская.

В кадрах ответили, чтобы она не строила над ними насмешки, и оделась как полагается.

-А как полагается?-Степанова развела руками.-У меня муж в морской пехоте служил, говорит, чтобы его тельняшку надела вместо рубашки форменной. Чего делать-то? Хочется ведь кортик-то получить, ни у кого нету. Да и не видела я его никогда, интересно.

Кусакин закусил нижнюю губу и замычал.

-Не знаю,-наконец, подрагивая от смеха, сказал он.-Ты плюнь на кадры и одень строгий такой брючный костюм, типа делового. Вроде и форма, вроде и нарядно.

-Так нету у меня такого костюма,-Марина снова взмахнула руками.-Одни джинсы.

-Тогда совсем не знаю,-Кусакин беззвучно засмеялся, прикрывая рот рукой.

Глядя на него, засмеялась и Степанова.

-Да черт с ним,-вставая, сказала она.-Что-нибудь придумаю. Главное, кортик этот получить. Что с ним делать можно, интересно?

-На abordаж сходить,-Кусакин вытер смешливые слезы.-Не знаю, Марина, не знаю.

Степанова ушла советоваться с дамами из бухгалтерии. А Кусакин подумал, что у нее даже портупей нет, куда можно привесить подарок.

-Чудеса,-подумал он.-Хороший сегодня день. Как всегда, и в цирк ходить не надо.

Он представил себе невысокую, полненькую Марину в расклевшем женском милицейском платье и с бело-синими полосками тельняшки в декольте. На маленьких плечах черные морские погоны с двумя просветами и одинокой звездой. В правой руке – обнаженный кортик.

-Капитан милиции третьего ранга,-Кусакин захохотал.-Адмирал Колчак из дежурной части. Дежурный боцман, где журнал доставленных в дежурку? Якорь тебе в ухо!

Премия для Мухтара

Каждое утро в райотделе начальники служб собирались в ленинской комнате. Это уже после общей оперативки. Они приходили послушать слова генерала, обращавшегося к райотделам области по селектору.

Поскольку все происходило скучно и однообразно (обычно генерал вербально вступал в половой контакт с теми отделами, где за сутки случалась низкая раскрываемость, и в общем-то, всё), умницы из штаба ГУВД придумали тематические селекторные совещания.

Их фантазии не было предела.

Кусакин, сидя перед серым ящичком селектора, вчитывался в приготовленную справку. Сейчас подходила очередь ему терпеть несправедливые обиды. Нынешнее совещание посвящалось успешному применению служебно-розыскных собак. А пока генерал измывался над начальником соседнего райотдела.

-Скажи, любезный,-вкрадчиво рокотал в ящичке бас начальника ГУВД.-А сколько у вас в городе бейсбольных команд?

-Ни одной!-браво доложил сосед.

Кусакин поморщился и вздохнул. Из селектора послышался гром. Издал его, конечно, генерал.

-А какого хромосома тогда у вас бейсбольные биты в магазинах пяти сортов!-грохотал начальник ГУВД.-Какого хромосома у вас двадцать три разбоя с битами с начала года!?

Ну?! Чего замолчал?

-Ликвидируем, и по акту уничтожим,-как-то неуверенно сказал его собеседник.

Генерал еще немного поразмазывал его и перешел к собакам.

Если честно, то в области было всего четыре питомника. Один большой, при ГУВД-центральный. Еще два в крупных городах. Четвертый был в кусакинском райотделе. Полковник Дудукин очень любил хвастаться наличием собак: "Не хуже, чем в большом городе работаем", но денег на их содержание не давал. Командовал питомником майор Кусакин. Дудукин рассудил так, уголовный розыск ищет жуликов, и собаки ищут их же. Поэтому они должны быть вместе. Вот и сейчас Кусакину приходилось отдуваться перед генералом за плохое применение собак.

После всех очередь дошла и до него. Майор был старый воин, и послушав оправдания других, выстроил свою линию защиты.

Терпеливо снеся упреки генерала, Кусакин не стал жаловаться, как его коллеги из других отделов, на нехватку денег, снаряжения, отсутствие помощи от головного питомника и прочего.

-Все вопросы мы решаем,-солидно произнес он, нажав кнопку селектора.-Но проблема, на мой взгляд, немного в другой области.

Кусакин кашлянул. Дудукин подозрительно посмотрел на него.

-Просто сотрудники питомника, которые кинологи, не знают, что надо показывать свою работу,-продолжил майор.-Они с псом своим поймают бандюка, и все, обратно на питомник. А в статкарточках отметки не делают. Работа есть, товарищ генерал, но она не видна. Мною принято решение о ежедневной проверке работы кинологов. Ведь собаки на каждое преступление выезжают, а показателей ноль. Больше такого не будет!

-Молодец, Кусакин!-одобрительно прорычал генерал.-Всем учиться надо у старого майора.

На этом селектор и закончился.

После совещания Кусакин вызвал к себе прапорщика Зотова, старшего кинолога, и приказал ему ежедневно приходить в штаб отдела и подчеркивать в карточках формы 1.1 -на раскрытые преступления которые, графу об участии служебно-розыскных собак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.